

Я не знаю финского языка...

Виктор Федотов

Доброй памяти деда Коли бывшего
беспризорника, заключенного ГУЛАГа,
партизана, фронтовика, рассказавшего
мне эту историю.

Прости меня, дед, что не записал я тогда ни отчества твоего, ни фамилии. А второго случая, увы, уже не предоставилось. Помню как сидели мы с тобой в Кеми, на Поповом острове в твоей маленькой, но крепкой избе за столом, освещенным тусклой электрической лампочкой. Как покрутил ты в руках принесенную мной бутылку дорогого коньяка, и узнав, что водки у меня нет, сокрушенно вздохнул и покачал седой головой. Как гулко постукивала о прибрежную скалу твоя лодка, которую ты весь вечер собирался вытащить на берег, но так и не собрался. Не до того было. Ты разговорился, я заслушался...

...Меня по малолетке посадили. Как раз перед войной. Беспризорничал, воровал. Отца не помню. Он рыбаком был. Мне и года не исполнилось, когда он с промысла не вернулся. А потом и мать куда-то пропала. Разное говорили, да я не верил. Сначала по людям жил, потом детдом, колония, зона. Все как обычно...

В начале сорок третьего, уже перед весной, приехал к нам в лагерь военный. Не вохра, а настоящий, армейский. Капитан, кажется. Построили нас на плацу, всех кто помоложе. Он пятерых отобрал. И меня, в том числе. На фронт. «Родина, говорит, зовет, кровью, суки, искупите и на свободу с чистой совестью». Согласия нашего не спрашивали. У меня статья-то пустяковая. Сидеть всего полгода оставалось. Что сейчас, что потом, все равно в армию заберут. Да я и не против. Воевать, так воевать. Я, так-то, хоть и молодой, но крепкий был. Кость широкая, поморская. Но худуююущииий... Впроголодь на зоне кормили. Оно и понятно... война.

В Архангельске нас не долго держали. Диверсионные курсы. В форму военную не передевали. Так в эзковской робе и ходили. Обучали подрывному делу. Как закладывать, как взрывать, штыковой бой... Потом по группам развели. Уже не с эсками, а с гражданскими. Человек по 10-12 в группе. Командиров назначили. Ну, эти из военных были.

В апреле выдали нам штаны ватные и телогрейки армейские, но без знаков различия. Зачитали приказ, что являемся мы бойцами партизанской бригады Карельского фронта, и путь наш — в тыл к белофинам.

Когда на передовую прибыли, нас четверых послали, ну, вроде как, в разведку: тихо пройти до старой финской границы и дальше вглубь их территории, дорогу проверить. Чтобы потом этим маршрутом провести подрывников. У командира нашего карта была. Он нам показывал. И место то, куда идем запомнить велел. Так я до сих пор то название помню: Суомуссалми.

Мы, считай, налегке шли. Винтовка, тридцать штук патронов и кой-какие продукты. Паёк на пять дней только. К тому времени должны были с задания вернуться. Да вот не вышло.

То ли карта у командира была не точная, то ли компас не туда показывал, то ли сам командир... В общем, заблудились мы в карельской тайге, среди болот подтаявших. Мало того, что продукты закончились, так еще и трое из нас под лед провалились. Еле вытащил. Сам-то худой, легонький был. Меня лед держал.

Костер развели, хоть и запрещено было. Сидят они мокрые, зубами клацают, сушатся. Но все равно застудились. На утро у всех троих жар начался и кашлять стали как из пулемета. Какая уж тут разведка...

Вот командир меня и послал искать какое-нибудь укрытие, а главное - пожрать чего раздобыть. На инструктаже нам говорили, что в хутора заходить нельзя. Финны сразу пристрелят. Они злые на нас за ту финскую войну как звери, и все при оружии. Одно оставалось — своровать чего по-тихому. Ну, тут уж мне и карты в руки... Вот где, думаю, пригодятся мои воровские навыки для победы над фашизмом!

Бреду я по лесу куда глаза глядят. Одна надежда, что судьба к какой-никакой деревне выведет. Но у судьбы на меня другие планы были...

Подошел я к ручью. Он не большой, метра полтора шириной, но бурный, весенний, говорливый. Смотрю где его половчее перепрыгнуть. Поднимаю глаза, а на том берегу, прямо напротив меня финн стоит. Крепкий такой старик. И ружье на меня навел. Прицелился. Сказать, что я испугался — ничего не сказать. Обоссался я, сынок. От страха. И с жизнью своей непутевой попрощался. Винтовка-то моя за спину перекинута. Не успею.

Нам политрук рассказывал, как белофинны над нашими солдатами злобствуют. Как пытаются прежде чем убить. Звери, одним словом. Нелюди. Хуже фашистов.

Стою, перекрестился, хоть в Б-га тогда не верил, жду выстрела. Глаза от страха зажмурил, вдохнул полной грудью в последний раз... И чую запах... Вкусный такой... Аж голова закружилась. Три дня ведь ничего не ел. Глаза открываю, смотрю, а рядом со стариком, на березке поваленной, сверток лежит матерчатый. И запах этот сказочный оттуда идет. Дед этот, видно, как раз перекусывать собрался. У меня ноздри как у легавой ходуном заходили и слюны полный рот. Я раза три сглотнул.

А финн не стреляет. Через прицел на меня смотрит. Морда злющая... Потом медленно так, ружье чуть опустил, что-то по-фински коротко сказал и жестом на мою винтовку показывает. Я его не с первого раза, но понял. Снял оружие и на землю положил. Дед опять жестом приказывает мне к нему идти. Ну, вот, думаю, и плен, и пытки, и смерть страшная. Все как политрук говорил. Перепрыгнул я ручей, стою в обоссанных штанах перед этим финном, а нос, как стрелка компаса, в сторону ароматного свертка сам по себе поворачивается. Мне бы, бестолковому, самое время о душе своей сиротской подумать, а я - все о жратве...

Старик на меня так внимательно из под густящих седых бровей смотрит и бороду свою стриженую пальцами скребет. Потом подтолкнул он меня стволом ружья к поваленной березе. Сильно толкнул. Так что я мокрой жопой на ту березу с размаху сел. Сам напротив меня взгромоздился, сверток развернул и ко мне пододвинул. «Ешь», говорит. Я не знаю финского языка. Но я все понял.

А в свертке... у меня и сейчас слюны полный рот... картошечка отварная, хоть и холодная, рыбка соленая и хлеба огромный кусок. Я такого вкусного и ароматного хлеба отродясь не пробовал. Я хоть и оголодавший был, но фасон, сколько мог, держал. Ел, как мне казалось, не спеша, правда глотал почти не разжевывая. А финн с меня глаз не сводил. Мне и раньше голодать приходилось. Приютский, как-никак. С малолетства знал правило: после голодухи много не есть, иначе помрешь. Я половину только съел и к деду сверток передвинул. Нельзя мне больше, да и по справедливости так. А руки-то у меня дрожали. Ну, думаю, сытым и умирать веселее. А у самого уже кой-какая надежда появилась.

Тут старик остатки еды в тряпку завернул, и за пазуху мне засунул. А сам снял с меня шапку и внимательно так в глаза мои смотрит и я в его глаза посмотрел. Заглянул я в эту голубизну бездонную, мудрую, и понял, что буду жить. И если помирать мне на войне, то не сейчас и не от руки этого человека.

А как провел этот старик ладонью по моей стриженной голове, как погладил ее, как шепнул что-то, так все во мне разом перевернулось. Ведь не видел я в своей сиротской жизни ласки, и слова доброго не слышал. А тут — как будто отец мой вернулся. И так мне, вдруг, хорошо стало и от того, что жив, и от ласки этой неуклюжей. Обнял я старого финна, прижался лицом к его груди и заревел в полный голос. А он гладил меня по спине и что-то тихо говорил на своем певучем языке. Я не знаю финского языка. Но я все понимал.

Вот так и сидели обнявшись на поваленной березе в глухом карельском лесу «безжалостный зверь-белофинн» и обоссанный, зареванный русский разведчик-диверсант. Вот бы политрук нас увидел!

Сколько мы так сидели я не знаю. Вытер мне дед рукавицей соплю и стал спрашивать кто я и что здесь делаю. Жестами общались. Я на снегу рисовал. Мы, на удивление, быстро поняли друг друга. Я рассказал старику о нашей заблудившейся группе, о больных друзьях. Показал ему карту, которую дал мне с собой командир. Финн сокрушенно вздохнул и выразительно постучал согнутым пальцем по моей голове. Он ногтем на карте показал то место, где мы находимся и где остались мои товарищи. Оказывается, кружили мы, разведчики хреновы, без малого десять дней совсем не далеко от наших позиций.

Старик с досадой посмотрел на то, как я верчу в руках карту, пытаюсь понять в какую сторону мне надо идти, вздохнул, встал и показал жестом следовать за ним.

А потом произошло нечто очень странное. Финн повесил на сук свое ружье и перепрыгнул через ручей. Я последовал за ним. Он поднял с земли и сунул мне в руки мою винтовку. Я, в полном непонимании, уставился на старика. И он мне все объяснил. Три раза. Потому что с первого и со второго раза мой мозг отказывался это воспринимать. Я не знаю финского языка. Но я все понял.

Оказывается, по ручью проходила довоенная государственная граница между Финляндией и СССР. И если бы я с оружием перешел на его сторону, то он бы меня убил. Убил бы не задумываясь. Но когда я по его приглашению перешел ручей без винтовки, я уже не был ему врагом. Я был голодным, измученным мальчишкой. И он мне помог. Он принял меня сначала как гостя, а потом и как сына. А теперь, когда старик был вынужден зайти на нашу территорию, чтобы показать мне дорогу, он перешел границу тоже без оружия. Если и не как друг, то, точно, не как враг. И винтовку мою мне велел поднять: - «Служи, коль взялся...». Я был потрясён.

Пройдя метров пятьсот, старый охотник, вывел меня на тропу и объяснил как найти моих товарищей и выйти к своим. Потом по-отечески обнял, потрепал меня по плечу, повернул лицом на восток, что-то сказал, и дал не сильного, но очень символического пинка. Я не знаю финского языка. Но я все понял.

Так мы с ним и расстались...

Я нашел своих друзей и вывел их к своим. О встрече со стариком, само собой, никому ничего не сказал.

Так вот, этот пинок я чувствую всю с вою оставшуюся жизнь. Я получил очень наглядный урок от старого, мудрого финна. Он показал мне как надо жить. Как надо уважать соседей. Как надо уметь быть другом, и как просто стать врагом. Как служить Родине, как беречь свои границы и как уважать чужие. Я не знаю финского языка. Но я все понял.

Записано в августе 2011 года.

Попов остров Кемь

Дед Коля, я часто вспоминаю твой рассказ и знаю как тяжело тебе оттуда, сверху, смотреть на то, что у нас здесь происходит.

И ты, старый мудрый финн, прости нас, если сможешь. Я не знаю финского языка. Но я все понял.